

Овчинникова И.И., доцент
Ovchynnikova I.I., associate professor
Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова
Киев, Украина
National Pedagogical Dragomanov University, Kyiv, Ukraine
jdxbyysrjdf@ukr.net

**ИДЕНТИЧНОСТЬ СООБЩЕНИЙ О КОНТРОЛИРУЕМОМ ДЕЙСТВИИ В
УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
THE IDENTITY OF MESSAGES CONCERNING CONTROLLED ACTIVITIES THE
UKRAINIAN AND RUSSIAN LANGUAGES**

Аннотация: статья посвящена описанию глаголов действия в украинском и русском языках, в значении которых актуализирована сема 'контролируемость'; выявлению семантико-синтаксических параметров, по которым действия субъекта делятся на контролируемые и неконтролируемые.

Abstract: the article is devoted to description of action verbs in the meaning of which actual sema 'control' in Ukrainian and Russian languages; semantical-syntactic conditions of this sema are defined; to the analysis of basic semantic parameters after which the actions of subject are differentiated on controlled and uncontrolled.

Ключевые слова: действие, глагол, сема, лексическое значение, сема, контролируемость, неконтролируемость, субъект.

Keywords: action, verb, sema, lexical meaning, testability / uncontrolled, subject.

Определяющей особенностью глаголов со значением действия в украинском и русском языках является указание на активность субъекта, который это действие осуществляет. Активность предполагает актуализацию в значении глаголов таких семантических элементов, как 'контролируемость', 'волеустремленность', 'целеустремленность' и т.п. Сема 'контролируемость' связана с наличием или отсутствием в синтаксической структуре агенса – особы-деятеля, который контролирует собственные действия, которые можно расценивать как целеустремленные. Целеустремленность, в свою очередь, содержит понимание того, что субъект организывает и совершает действия сознательно, по собственной воле, а также предполагает достижение определенного результата.

'Контролируемость' в значении глаголов действия в украинском и русском языке свидетельствует о ситуации, при которой действия субъекта сознательно направлены на изменение состояния или качества объекта, а это дает основания утверждать, что именно она является тем показателем, который отличает собственно действие от бесперспективной деятельности [Логический анализ языка 1992: 72]. Как правило, имплицитный компонент онтологически присутствует в значении глагольного слова и может быть выявлен при его семантическом расщеплении. Однако несмотря на свою онтологическую природу, сема 'контролируемость' не всегда проявляет однозначность в толковании и часто именно она выступает в роли того проблемного нюанса, который открывает перед исследователем всю сложность и противоречивость классификационных показателей глаголов действия. Это связано с тем, что формально все действия сознательного субъекта (лица) должны быть изначально пронизанными мыслью, однако украинский и русский языки свидетельствуют о значительном количестве употреблений, при которых семантически активный субъект не контролирует своих действий, не теряя своей активности и направленности на изменение объекта.

Впервые семантический компонент 'контролируемость' как определяющий, репрезентативный и прежде всего классификационный признак глагольных предикатов был проанализирован Т.Булыгиной [Булыгина 1982]. Исследовательница обнаружила, что наличие/отсутствие указания на контролируемость в значении глаголов является таксономическим свойством действий и процессов, что позволяет распределять глагольные единицы на семантические классы аналогично признаку статичности/

пассивности. В рамках понятия контролируемости могут быть проанализированы различные грамматические и семантические категории, которые способны разграничивать отношение субъекта и предиката в аспекте активности / пассивности. Такое бинарное разделение, согласно утверждению Т.Булыгиной, может быть основой параллельного разделения глагольных подклассов глаголов: так, в пределах класса глаголов действия целесообразно выделять контролируемые / неконтролируемые действия, в пределах класса глаголов состояния (процесса) – контролируемые «поступки» и неконтролируемые «события» [Булыгина 1972: 21].

Высказанное Т.Булыгиной предположение об универсальности применения семантического критерия «наличие / отсутствие семи 'контролируемость' в глагольном значении» при создании или выработке классификации глагольных предикатов достаточно актуален в современном языкознании. Его можно взять в качестве основного в утверждении о том, что «одним из важнейших с онтологической и семантической точек зрения является разделение глагольных предикатов на контролируемые и неконтролируемые [Шатуновский 1996: 191]. Ср. также: «Если исключить ситуации, которые вообще не стоит обсуждать в терминах контролируемости (естественные процессы, абстрактные отношения и т.п.), то остальные ситуации (для которых контроль является релевантным) распадаются на два класса – контролируемые и неконтролируемые – независимо от их таксономического типа» [Кустова 1992: 145]

Среди терминов, характеризующих способность субъекта руководить своими действиями, функционирует довольно значительное количество таких, которые характеризуют осознанность, контроль различных аспектов действия, а также отсутствие контроля, однако часто они используются как синонимы. Это, в частности, активность (А. Селиверстова), агентивность (Т. Булыгина), волевое намерение (Т. Шмелева), целеустремленность (Т. Стексова) и т.д. И.Ким предлагает систематизировать их по таким показателям [Ким 1999]:

1) осознанности/неосознанности, где семантический компонент 'осознанность' свидетельствует о контроле над включением субъекта в событийную ситуацию. Согласно подтвержденному психоанализом существованию скрытых подсознательных мотивов для выполнения тех или иных «неожиданных» или ошибочных действий (оговорок, произвольных движений и т.п.), этот компонент можно считать относительным, ведь речь не разграничивает на семантико-синтаксическом уровне подсознательные интенции и не говорит об их отсутствии;

2) агентивности/неагентивности, при которых агентивность может быть истолкована как приложение усилий субъекта для создания или развития событийной ситуации. По нашему мнению, этот показатель должен довольно неоднозначный и неустойчивый характер, что мешает применять его в качестве классификационного критерия при дифференциации глаголов действия. Показательна в этом позиция А. Мустайоки, который утверждает, что при глагольных предикатах типа *разбил, упустил, потерял* субъект может быть определен как агенс, потому что хоть и не контролирует, но создает определенное действие, а при предикатах *упал, споткнулся* он может быть истолкован только как экспериенсер, ибо выступает в ситуации, при которой с ним что-то происходит [Мустайоки 2006: 161]. Это означает, что несмотря на присутствие в обоих типах предикатов семантического показателя «агентивность» эти предикаты все же не относятся к одной семантической группе;

3) целеустремленности/нецелеустремленности. Целеустремленность субъекта выражается в том, что мотивы, побуждающие его к действиям, вытекают из главных, руководящих идей, которые могут быть целью его деятельности в целом. Противоречивость этого показателя заключается в том, что «целеустремленность» является свойством определенной степени приобретенным, специально организованным, сформированным, поэтому эту сему нельзя рассматривать как синонимическую «контролируемости»;

4) контролируемости/неконтролируемости. Семантический компонент 'контролируемость' предполагает, что субъект выступает инициатором того или иного

события, прилагает усилия для его выполнения, определяет объект своего действия, результат и инструмент. Традиционным способом выражения контролируемости в украинском языке является модель, которая представляет переходность осознанного действия, которую выполняет субъект-существо, на объект. Однако довольно часто такая маркировка нивелирует семантическая организация глагольного предиката, который вследствие отсутствия семы 'контролируемость' в непосредственном значении меняет общую семантику предложения несмотря на его формальное соответствие приведенной модели, например: *А вытащил из коробки Б и разбил его, потому что Б больше был не нужен [контролируемое действие] – По дороге А споткнулся и разбил Б [неконтролируемая действие].*

Дальнейшие исследования семантического компонента контролируемости в значении глаголов, активизированные поисками Т. Булыгиной и представленные в трудах А. Зализняк (1985), В. Плунгян и Е. Рахилиной (1998), И. Шатуновского (1996), Т. Шмелевой и Т. Стексовой (1994), продемонстрировали, что контролируемость связана не только и не столько с глагольным предикатом, сколько с субъектом действия. И. Шатуновский отмечает, что контролируемость характеризует не действие или процесс, а собственно субъекта, который способен либо не способен осознавать контроль своих действий. «Если контролируемость – это свойство предиката (ситуации), то наличие или отсутствие контроля, скорее характеризует субъект» [Шатуновский 1996: 192]. Т. Булыгина также оценивает этот показатель не как характеристику предиката, а прежде всего как свойство субъекта [Булыгина 1982]. При этом исследовательница подчеркивает, что она выражается прежде всего в предикате, ср.: *А не удержался на ногах и упал – А разогнавшись упал на сани и ударил лошадь.*

Субъект-существо (лицо) в украинских и русских предложениях с глагольными предикатами действия всегда содержит имплицитную активность, порождает динамизм высказывания. Традиционно характерным для предложений с общей семантикой действия являются волевой субъект, каузирующий объект. Отсутствие семы 'контролируемость' в предикатном значении обозначена тем, что субъект перестает быть активным творцом действий, не выступает активным участником определенной событийной ситуации. Потеря названного семантического компонента свидетельствует и об отсутствии запланированной субъектом каузации объекта, позволяет говорить о действиях субъекта как о произвольных. В таких моделях в семантике субъектов отсутствуют компоненты усилия воли и намерений. Однако при этом нельзя утверждать, что субъектная синтаксема потеряла сему 'активность', поскольку его действия хоть и лишены контроля, так или иначе вызывают изменения в объекте. В пользу этого свидетельствует также и тот факт, что позицию для активного субъекта в украинском языке способны открывать глагольные предикаты, в которых имплицитно заложено отсутствие признака целесообразности. Например, 'неконтролируемость' присуща глаголам со значением случайного или самопроизвольного действия вроде *выпустить, поскользнуться, споткнуться, удариться* т.п..

По нашему мнению, целесообразно утверждать, что контролируемость не является характеристикой только предикатной или только субъектной. Введя понятие контролируемости, Т. Булыгина поставила вопрос об отношении между актантом и предикатом, предметом / лицом и действием, а точнее, способом и степенью задействованной процессом / человека в определенных событиях, ситуациях. Эта вовлеченность может быть поверхностной, когда существо не проявляет воли и интеллектуальных усилий относительно действий, в таких случаях можно говорить о природных процессах, которые происходят без контроля объекта. Однако вовлеченность может быть и внутренней, когда лицо устанавливает связь между собой и процессом / действием [Ким 1999: 20]. В этом случае действие проецируется во внутреннюю (психоментальную) сферу субъекта, и это так или иначе связывается с контролируемостью. Важным в этом отношении является понятие личной сферы, введенное Ю. Апресяном. К личной сфере принадлежат сам носитель и все объекты, с

которыми он имеет внутреннюю связь. В этом смысле контроль является не просто актуализацией процесса, его фокусировкой, а установлением связи субъекта с процессом. Отсутствие компонента значения 'контролируемость' в смысловой структуре украинского и русского глагола означает, что глагол обозначает неосознанные и произвольные действия. Неосознанность может быть присуща действиям, которые характеризуются полным отсутствием сознания или нерелевантности его участия. Значение неосознанности определяет актуализацию таких сем, как 'непреднамеренность' и 'непродуманность', ведь неуправляемые сознанием действия не могут быть запрограммированы. Значение неосознанности тесно связано и с отсутствием воли – отсутствие сознания влечет отсутствие воли. Такие действия в определенной степени характеризуются значением вынужденности, поскольку субъект выполняет их вопреки своему желанию. Особенно отчетливо вынужденность проявляется в глаголах с негативной оценкой, которые открывают семантическую позицию для отрицательных последствий или результатов, например: *А сбил у Б шляпу, а Б, защищаясь, размахнулся палкой и разбил витрину в магазине у себя за спиной.*

Вообще нивелирование 'контролируемости' в глагольном значении активизирует реализацию противопоставленных этой семе разнородных «неконтролируемых» компонентов, таких как: машинальность, механичность, автоматизм, рефлекторность, импульсивность, вынужденность, произвольность, антирезультативность т.д. В качестве критериев выделения этих значений исследователи выделяют такие семантические показатели, как неосознанность, отсутствие цели и случайность.

Т. Шмелева и Т. Стексова описывают синтаксическую и семантическую категорию 'непреднамеренности' действия, которая подтверждает, что субъект не хотел выполнять то или иное действие [Стексова, Шмелева 1999: 12]. Т. Стексова демонстрирует различные конструктивные типы, которые выражают 'непреднамеренность', в частности выделяет глаголы с инкорпорированной семантикой неспециальности типа *споткнуться проговориться* т.д., структуры с лексическими показателями типа невзначай, случайно, вдруг невольно т.п.. Исследование Т. Стексовой, кроме того, обращает внимание на важную проблему этнолингвистики и этнопсихологии, ведь некоторые языки, в частности славянские, имеют достаточно развернутую систему средств выражения отсутствия контроля действия со стороны того, кто ее выполняет.

Несмотря на разнообразие сем, которые актуализированы в глаголе в результате нивелирования 'контролируемости', центральным и обязательным участником той ситуации, которую в свернутом виде представляет «неконтролируемый» глагол, всегда остается субъект-существо (человек), что свидетельствует о неразрывной связи субъектного и предикатного компонента, а также об определяющей роли этой связи при семантической классификации глагольных лексем.

Вообще семантический компонент 'контролируемость' и те семы, которые возникают в значении глагола вследствие его нивелирования, можно рассматривать как неотъемлемый семантический признак глагольного значения или как семантическое свойство ситуации. Большинство исследователей из-за нестабильности этого признака на референтном и, соответственно, лексическом уровнях соотносят его со структурой ситуации. Очевидно, самым объективным является подход, согласно которому, контролируемость понимают как признак или свойство ситуации, в которой взаимодействуют все ее элементы, но при этом она является следствием реализации соответствующей семантической категории и имеет различные способы выражения.

Список литературы:

1. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т.В. Булыгина // Семантические типы предикатов: Монография / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. – М. : Наука, 1982. – С. 7 - 85.

2. Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке: Опыт функционально-семантического анализа: Монография – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 160 с.
3. Ким И.Е. Контролируемость действия: сущность и структура // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1999. – С. 19 – 31.
4. Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка : Модели действия. – М. : Наука, 1992. – С.145.
5. Логический анализ языка: Модели действия / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова; [Ин-т языкознания РАН]. – М.: Наука, 1992. – 166 с.
6. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам: Монография / Арто Мустайоки. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.
7. Письмак Т.Г. Семантика неконтролируемого действия: На материале русского и французского языков: Автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Т.Г. Письмак. – Кемерово, 2009. – 22 с.
8. Потапенко Т.А. Лексико-семантическая характеристика глаголов с общим значением разрушительного воздействия на объект // Филологические науки. – 1983. – № 2. – С. 50 - 56.
9. Стексова Т.И. 'Невольность осуществления' как скрытая семантическая категория и ее проявление: Монография – Новосибирск: Изд-во НПГУ, 1998. – 82 с.
10. Стексова Т.И. Высказывания с модальной семантикой невольного осуществления // Системный анализ значимых единиц языка: Смысловые типы предложений: Сб. науч. статей. – Ч. 1. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1994. – С. 53 – 61.
11. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерферентные слова: Значение, коммуникативная перспектива, прагматика: Монография – М.: Языки русской культуры, 1996. – 400 с.